

Юрий Вячеславович Громыко – доктор психологических наук, директор Института опережающих исследований «Управление человеческими ресурсами» имени Е.Л. Шифферса, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАН, лауреат премии правительства РФ в области образования, участник рабочей группы при ОАО «Российские железные дороги» по проекту «Трансъевразийский пояс развития», член Международного общества по социокультурным исследованиям теории деятельности (ISCAR)

Культурная политика возвышения страны:

генератор событий поверх происходящего

Личностна ли культура?

Происходящее на Украине в ходе майской карательной операции 2014 года, организованной незаконными властями Киева, обнаруживает феномен трагедии огромного масштаба. Вернее, продолжает высвечивать катастрофу Русского мира, которая началась в 1917 году. Когда-то мой учитель Евгений Шифферс утверждал, что убийство царской семьи в подвале ипатьевского дома в июле 1918 года было взрывом атомной бомбы в самом центре русской православной государственности – ядерный гриб этого события взорвал культовые святыни, веру и русский язык. Этому взрыву предшествовало своеобразие архиереев, вырвавших из антиминов поминание августейшей семьи и перешедших к молитвам за узурпаторов – членов Временного правительства, подтолкнувших Николая II под угрозой убийства наследника к отречению.

Определенной зоной торможения этой катастрофы стала Великая Победа, основанная на многомиллионном жертвоприношении русского народа – жертвоприношении самом многочисленном, превышающем десятки миллионов человек. Следующим витком катастрофы стало разрушение государственности Горбачевым и Ельциным, возжелавшими наперегонки вписать страну в «просвещенный Запад» и тем самым уничтожить русские цивилизационные ценности и предать идеалы Победы. И сейчас новая катастрофа – катастрофа цивилизационной идентичности: говорящие на русском языке люди уничтожают (сжигают заживо!) тех, которые связывают себя с российской государственностью.

Это не социальная гражданская война в поле единого цивилизационного мира, поделенного на имущих и неимущих. Это выхватывание огромного куса говорящих на русском

языке людей и включение их в инородное антирусское цивилизационное пространство. По сути, это — цивилизационная измена и перевербовка. Об этом очень метко в свое время сказал Андрей Вознесенский:

*В янычары отняли мальчика.
Он вернется — родину спалит.
И никто не знает, кто чей сын,
материнский вырезав живот.
Под какой из вражеских личин
раненая родина зовет? <...>
Мама, посмотри на палача!
Мама, у него глаза твои!*

Только в данном случае янычаризацией русскоговорящих и украиноговорящих в виде формирования новой «вражеской личины» на родной Украине занималась система образования по американским методикам и рецептам. Феномен не менее страшный. Именно он лежит в основе войн нового типа, которые мы называем концентрическими (от англ. *consciousness* — сознание). Если можно поменять идентичность населения,

Убийство царской семьи в подвале ипатьевского дома в июле 1918 года было взрывом атомной бомбы в самом центре русской православной государственности — ядерный гриб этого события взорвал культовые святыни, веру и русский язык. Этому взрыву предшествовало своенравие архиереев, вырвавших из антиминос поминание августейшей семьи.

то оно присягнет кому надо и пойдет на дружественный народ войной. И не надо захватывать территорию. На ней сам перевербованный народ организует ту власть, какую надо для супостата. Не стоит обольщаться: оболванивание и цивилизационная перевербовка происходили не только с народами Украины. Абсолютно то же самое произошло и в России. Просто час еще не грянул — еще не вечер. В разрушении русской цивилизационной идентичности принимали участие официальные радетели за образование. Втолкнувший ЕГЭ в русское пространство через Всемирный банк Исаак Фрумин, радевшие за этот тип реформ по изготовлению манкуртов Андрей Фурсенко и его правая рука Исаак Калина, идеолог

вписывание России в Запад через мясорубку уничтожения российских ценностей Ярослав Кузьминов, продолжающий разрушительные реформы образования Дмитрий Ливанов уже подготовили поколение оболваненных людей, у которых нет никакого трепета по отношению к истории России и ее ценностям, по отношению к самому акту мышления, который всегда личностный и всегда не терпящий повторяющихся словесных шаблонов. Не ту же янычаризацию России осуществляет сегодня Высшая школа экономики? Если это так, ждите скоро российских майдануток. Они придут к вам. Если молодежь в России начнет майданить и «белоленточничать», «пуссирайтить» в храмах, ставя индивидуаль-

Образцом становится всё, что приобретает характер доведенной до героизма почти за гранью возможного личной формы смыслового взрыва. Личность конституирует себя, опираясь на то, что больше её. Этим превосходящим личностью основанием является ценность, которая резонирует в сознании множества людей и является опорной точкой конституирования общности. Таким образом, личность выталкивает вперед себя смысловой взрыв – ценностное основание, вокруг которого объединяются люди. Смысловой взрыв – это и есть горящее сердце Данко.

ное убогое самовыражение выше ценностей российской государственности, нам конец. А она близка к этому – идеология развития в стране отсутствует и, более того, запрещена 13 статьей Конститу-

ции. Поэтому изменение политики образования в сторону «оброссиивания и дезападнизации» – самая насущная задача Путина. И здесь поддержкой знакомцев и свояков уже не отделаешься. Ведь

кто-то должен отвечать за угробленные на бессмысленный ЕГЭ деньги и силы, за оболваненные и обокраденные минимумами убогих профилиаций поколения.

Что же можно делать в условиях цивилизационной катастрофы? Только одно – восстанавливать культурные образцы, которые становятся основой социокультурного строительства и социального воспроизводства страны. Собственно цивилизацию и образует сплав культурных высших образцов с социальной системой, социокультурная огранка форм деятельности и мышления. Цивилизация – это социально-материализованная система высших образцов культуры и форм организации сознания. Но культурные образцы – это всегда образцы личного действия, массовому и автоматизированному рэпу-бормотанию в пространстве культуры не место. Образцом становится всё, что приобретает характер отчеканенной, доведенной до героизма почти за гранью возможного личной формы смыслового взрыва. Восстановление матрицы ценностей возможно только в виде личных культурно-культурных действий.

Личность конституирует себя, опираясь на то, что больше её. Этим превосходящим личностью основанием является ценность, которая резонирует в сознании множества людей и является опорной точкой конституирования общности. Таким образом, личность выталкивает вперед себя смысловой взрыв – ценностное основание, вокруг которого объединяются люди. Смысловой взрыв – это и есть горящее сердце Данко.

Власть в России по своей природе личностна. Этого никак не может понять Запад. Поэтому для Джона Керри Владимир Путин – анахронизм. Гос-

секретарь США видит в политике России в отношении Украины результат «проявления личных качеств» российского президента и считает, что эта политика «очевидным образом подпитывается личными амбициями» Владимира Путина, «совершенно неприемлемыми в политике XXI века». Керри публично сожалеет о той цене, которую, по его словам, придется заплатить россиянам за политику их президента. Для Керри недопустимо, что высказываемое первым лицом России мнение не является основанной на консенсусе представленной точкой зрения, согласованной с высказываниями других людей, но представляет собой личностную форму действия. Между тем в России личностная форма действия перекрывает разнообразные мнения и выступает в качестве ориентации для всего населения по типу предельного образца для подражания: «Делай как я». Более того, солянка из мнений для русского человека безответственна, а личное действие предельно ответственно. Именно поэтому политик в России обладает более значительным авторитетом, чем политик на Западе. Но одновременно и спрос с него больше. От политика требуется личная форма действия на пределе его возможностей в труднейшей непредсказуемой ситуации. И если Запад критикует Путина за слишком личностный и самостный характер его действий, то многие русские люди, напротив, даже еще сомневаются, осознал ли Путин необходимость личностного действия безотносительно к тому, что от него ожидают и что ему навязывают ключевые политики Запада. За данными принципиально разными оценками политики Путина и лежит совершенно разное представление о

личности и личностном образце. В одном случае надо «быть как все», следовать общим правилам и иметь бесконечный набор индивидуальных отличий. В другом случае речь идет о нестандартном личностном действии на пределе возможностей, которое только и становится образцом в пространстве культуры.

Мерилом личностного действия руководителя России является сегодня его способность не идти на поводу у Запада, который подталкивает Россию к тупику, но:

- ♦ суметь вырваться из долларовой системы, не попав в изоляцию от всего мирового сообщества и просто мировых денег (японских, китайских, европейских);
- ♦ осуществить модернизацию, перевооружение российской промышленности, одновременно создавая новые классы индустрий и новые города;
- ♦ создать условия для роста населения России и переселить страну;
- ♦ сформировать зоны солидарного трансграничного сотрудничества с Россией по всему миру;
- ♦ предъявить основу новой идеологии и мировоззрения российскому народу, который сегодня не имеет ориентиров для самоопределения.

Реализация этих пяти задач, которые лежат в основе личностного действия политика России, только и может обеспечить подъем сознания населения и продвижение страны по восходящему тренду, выведение через Россию всего мира к практикам *Razvitie*. Это объективное наращивание производственной мощи страны и рост сознания населения является основой практик *Razvitie* — в отличие от линейных представлений об экономическом росте. Именно нестандартное личностное действие политика способно вы-

тащить страну к новым возможностям.

Если политик, осуществляя личностное действие, движет страну по восходящему тренду, то он вправе обсуждать, какие ценности западной цивилизации являются неприемлемыми для населения действительно развивающейся страны. И это не гордыня и не фашизм, а попытка действительно потянуть за собой по восходящему тренду весь остальной мир, для чего и необходимы практики *Razvitie*. Этого опять-таки не могут понять многие люди на Западе, связывая критику Путиным сегодняшнего западного общества с его стремлением к авторитарной личной власти. Например, журналист немецкого издания *Der Spiegel* Ян Фляйшхауэр считает, что до сих пор многие воспринимали внешнюю политику Кремля с точки зрения геополитики: мол, Россия стремится вернуть территории, утраченные после распада Советского Союза. «Однако это неверно, — продолжает журналист. — Когда Путин говорит о врагах русского народа, он мыслит намного глубже — а именно, о покушении на русскую душу». Именно это, пишет Фляйшхауэр, Путин имеет в виду, когда говорит о необходимости защищаться от Запада. Человек Русского мира, по утверждению журналиста, «прежде всего думает о том, что есть какое-то высшее моральное предназначение самого человека, какое-то высшее моральное начало». На Западе же, напротив, люди больше думают об успехе и благосостоянии. Таким образом, считает Фляйшхауэр, Владимир Путин ведет «идеологическую войну против поверхностного материализма, против упадка ценностей, против феминизации общества, сопровождающей исчезновение всех традиционных связей: короче го-

Позднее советское общество наполнялось высочайшей культурной энергией, казалось, угробленного общества Российской империи, о чем писал Вадим Кожин (на фото).

вора, против всего нерусского». Да, Путин действительно хочет опираться на потенциал русской цивилизации, чтобы тащить страну и мир, другие страны, которые пойдут вместе с Россией, по восходящему тренду практик *Razvitiie*. Либо выбираться из кризиса и осуществлять цивилизационный подъем — либо война за истончающиеся ресурсы всех против всех!

За подобным столкновением мнений вокруг отношения к политике России и Путину стоит очень серьезный вопрос: что считать личностью и какое место живая личность занимает в культуре. Но живая личность, с точки зрения православной культуры, невозможна без выхода к «Богу живому». Данное утверждение является не менее сильным, чем точка зрения Василия Давыдова, справедливо доказывавшего членам Российской академии образования, несмотря на их протесты, что отнюдь не всякий человек — личность. Для Давыдова, который был гегельянцем и действительно знал Гегеля, личностью являлся человек, который осуществляет мощнейший прорыв в объективном содержа-

нии мышления, формируя новую форму понимания мира.

Типология культурных политик

Попытка ввести в культурный оборот гуманитарный ценностный дискурс, превращающий ценностную матрицу в средство изменения общества, наталкивается на жесткую политехнологическую ангажированность всякого действия на культурном поприще. Артефакты культуры сразу ранжируются политехнологом по откликаемости и занимательности со стороны различных групп населения, потребляющих продукты массовой культуры. Выющимся вокруг подобных схем политехнологам кажется, что они придумали очередную форму контроля за общественным сознанием. При этом абсолютно не важно, как физиологически потребляет население содержание российских каналов — три минуты в день или неотрывное лицезрение продолжается все сутки напролет. Покрытое удушающей пленкой бестолковости, которую натягивают на обывателя средства массовой информации, российское общество

ждет людей со свободным суждением или с бескорыстным демонстрированием настоящих духовных ценностей и высоких устремлений. Общество задыхается от отсутствия неполитизированных духовных авторитетов, которые в бескорыстной незаинтересованной форме могут посоветовать обществу, что делать. Но как сделать так, чтобы духовный авторитет не был связан с властью денег — не выставлялся бы олигархическим кланом, которому захотелось духовно-сладенького, — или с системой влияния по знакомству?

Это возможно только в том случае, если четко представлять, в какую сторону сдвигать и трансформировать культурную матрицу общества и какой необходимый сдвиг ожидает само общество. И также если общество пройдет через опыт подобных духовных трансформаций, не основанных на прямой корысти и власти денег. В этом случае оказывается, что весьма небольшое по силе воздействие может вызывать просто тектонические сдвиги в социальной жизни, поскольку введение просветляющих духовных ценностей — а не манипулятивных конструкций — дает энергию жить. В то же время общество, находящееся под напором требований постоянных изменений, будет сопротивляться его искусственным преобразованиям и трансформациям, вырабатывать специальные защитные средства, обеспечивающие ему устойчивость и сохранность. Главное направление развития российского общества связано с актуализацией важнейшей для его членов цивилизационной идентичности. Именно цивилизационная идентичность в виде матрицы форм и образцов самоопределения российского человека — матрицы, реализуемой в структуре российского обще-

ства в отношении с другими государствами-цивилизациями, — надстраивается над другими типами самоопределений: этническим, конфессиональным, гражданским. Цивилизационная идентичность становится управляющим оператором и защищающим покровом других идентичностей — этнических, конфессиональных, национальных, гражданских. Этим идентичностям дается возможность существовать и реализовываться в рамках данного социокультурного цивилизационного поля. В пространстве цивилизационной идентичности находится место диалогу разных этносов, соработничеству разных конфессий на благо единой цивилизации, солидарности людей с разными гражданскими позициями. Убери или ослабь градиент цивилизационной идентичности — и этносы начнут бороться за жизненное пространство, конфессии — доказывать свою исключительности в плане обнаружения замысла Творца и прямого обращения именно к ним, на место солидарности представителей разных общественных групп придет война классов. Основой цивилизационной идентичности является ценность *Razvitie*. Данный термин отличается от англосаксонского понятия *development*. Российское *Razvitie* задает границу планетарного фронта, а *development* через линеизированные экономические показатели подтягивает отстающие и еще только развивающиеся экономики к развитым экономика-витринам — образцам для подражания.

Но каким образом можно осуществлять культурную политику, создавая тончайшее и одновременно самое мощное средство воздействия на общество через введение ценностей? Для этого необходимо определить важнейшие поля

Теперьешнее российское общество не разбудило в себе архетип созидательных энергий советского и дореволюционного обществ. А без подобных энергий общество ельцинской демократии и даже общество суверенной демократии — это не имеющий традиции произвольно сконструированный Голем, остервенело и машинообразно копирующий западную цивилизацию.

этого действия, в каждом из которых способ действия свой. Непременным условием различения этих полей является четкое понимание и осознание, существует ли неявно принимаемая большинством общества система устойчивых ценностей, на которые обще-

ство ориентировано, и существует ли форма власти — легитимного (узаконенного и допускаемого обществом) насилия, — которая негласно опирается на данную систему ценностей. В том случае, когда такая система ценностей есть и она

Сегодняшняя культурная политика основана на превращении культуры в элементы потребляемых развлечений. Требование подобной культурной политики звучит следующим образом: «Культура должна потребляться и приносить прибыль. Подлинная культура – только массовая культура, поскольку она потребляется массами и приносит настоящий доход. Элитарная культура – культура для узких групп, и в известном смысле это не культура».

напрямую соотнесена с механизмом власти, что представители власти постоянно предъявляют в своих дискурсах и рассуждениях, мы можем осуществлять культурную политику функционирования. Эта культурная политика прямого действия связана с предъявлением обществу перечня разнообразной культурной продукции, единицы которой выявляют, выражают обозначенную систему ценностей. Эта политика является культурной политикой консервации, обеспечивающей доведение культурных ценностей до стереотипов социокультурного поведения, до норм потребления продуктов культуры и способности узнавать эти ценности в разнообразных явлениях жизни.

Можно утверждать, что именно такую культурную политику и осуществляют сегодня Министерство культуры, рос-

сийские средства массовой информации и телевидение. Культурная политика консервации значима и уместна в том случае, если общество прошло через радикальные изменения и потрясения и его членам важно как-то собрать себя заново, определив для этого отношения к самым разным явлениям жизни. Но в случае длительного проведения культурная политика консервации приводит к неизбежной культурной деградации – если она по инерции продолжается и после достижения какого-то своего результата. А таких результатов может быть только два. Либо общество осуществляет через действие своих выдающихся лидеров движение вверх, своеобразное восхождение – и тогда нужна уже не политика консервации, а иные ориентиры. Либо оно скатывается к оскотиниванию, теряя челове-

ческое достоинство и духовную ориентацию – а это будет означать, что эта политика изначально была неэффективной. То есть если «передержать» консервацию, если культурная политика будет сводиться к затвердеванию определенных сложившихся социальных и культурных стереотипов, которые сродни привычкам, то ни институт Церкви, ни институт образования – задача которых осуществлять общественное воспроизводство и трансляцию культуры – ничего не смогут сделать.

Попытка объявить сложившуюся форму культурного досуга просвещенных членов общества некой новой культурной парадигмой, которой должны следовать все, также ничего не даст. Если социокультурная динамика определяется не восходящим, а нисходящим трендом, то всякая парадигматизация существующего, превращение сложившихся привычек в образец просто закрепят деградационную тенденцию. По такому пути хотели бы пойти многие нынешние известные персоны – например, Александр Аузан и Александр Архангельский. Они хотят свои сего-

дняшние культурные привычки отделить от советских, обозначить их в виде определенных культурных парадигм и образцов, противопоставив «совку». Но дело в том, что позднее советское общество наполнялось высочайшей культурной энергией, казалось, угробленного общества Российской империи, о чем писал Вадим Кожинов. Теперешнее российское общество не разбудило в себе архетип созидательных энергий советского и дореволюционного обществ. А без подобных энергий общество ельцинской демократии и даже общество суверенной демократии — это не имеющий традиции произвольно сконструированный Голем, остервенело и машинообразно копирующий западную цивилизацию.

Окончательная и бесповоротная борьба с «совком» является способом вытравливания из нас духовных энергий высокой плотности, которые просто невозможны в разбавленном и вялом сегодняшнем российском социуме. Очень знаменательно, что методологические лидеры — осатанелые борцы с «совком» — оказались в функции интеллектуального обеспечения «фарша» майдана — жуткой смеси национализма, антисемитизма с элементами госфашизма. Но в то же время именно Путин сумел сделать невозможное: осуществить удержание в едином поле трех России — имперской, советской и постсоветской, — хотя это единство трех материков, трех разных России и держится пока во всех смыслах на его честном слове. Сейчас еще только должна пробудиться созидательная энергия тотальной актуализации.

Сегодняшняя культурная политика основана на превращении культуры в элементы потребляемых развлечений. Требование подобной культур-

ной политики звучит следующим образом: «Культура должна потребляться и приносить прибыль. Подлинная культура — только массовая культура, поскольку она потребляется массами и приносит настоящий доход. Элитарная культура — культура для узких групп, и в известном смысле это не культура».

Для того чтобы передвигать социокультурную систему, направляя общество на восходящий духовный тренд, нужен другой тип культурной политики, который предполагает инициирование культурного шока — разумеется, культурного шока при социальной мягкости и бережном отношении к каждому человеку. То есть отношение организаторов и практических исполнителей такого шока к их миссии должно походить на бережное поглаживание режиссером кресла, на которое сядет зритель, обреченный разрыдаться и пережить глубочайший, выворачивающий его наизнанку катарсис при восприятии спектакля. Культурный шок инициирует мощнейшую энергию внутренних переживаний.

Российское общество нуждается в культурном шоке — при отсутствии иных социальных и политических шоков — для самоинтеграции и самовосстановления. Российский человек должен почувствовать, что он — существо, способное к бескорыстному состраданию слабому, что для него важнее высшие духовные устремления, чем «работа на свою задницу», что плод приносит только долгосрочное служение, что его бескорыстные усилия будут признаны. Но культурный шок невозможно организовать и осуществить по законам культурной политики консервации. Нам необходима культурная политика самоопределения. Смысл этого самоопределе-

ния состоит в том, что обращаясь к культуре, российский человек должен ответить на вопрос: он готов деградировать дальше, где уже близка черта самоподрыва обществом себя самого, или он начнет вопреки всему двигаться по восходящему духовному тренду — вместе со всеми, со всем миром? Вызвать подобный культурный шок, просто снимая осуждающую картинку сегодняшнего интеллектуально и духовно больного общества, невозможно. Здесь как нигде верны слова Пушкина, что «цель творчества есть идеал». Но не ходульный подчищенный пиартехнологами словоблудливый идеал, не назидательная индоктринация, а целительный идеал прорыва, обнаруживающий свою собственную исходную духовную скудность, нищету и ограниченность. Поскольку воистину блаженны нищие духом, ибо они спасутся. Прокладывание границы позволяет выйти за ее пределы.

Способ формирования культурного шока определяется введением ценностей на уровне конкретных образцов человеческого поведения, которые инородны сегодняшнему культурному договору. Культурный шок и может возникнуть именно потому, что вводимая иная новая культурная ценность резко не совпадает с набором привычек и стереотипов, которые приняты данным обществом за обязательный «джентльменский набор». Поскольку мгновенно всосать и ассимилировать новую инокультурную ценность невозможно, возникает ситуация метакультуры. Ценность, потрясающая стереотипы и привычки культурного поведения, целенаправленно вводится — в этом и заключается метакультурная политика. Такая политика предполагает широкую популяризацию путем целенаправленной инфор-

Фра Анджелико. Святой Лаврентий раздает милостыню. 1450-е годы

Метакультурная политика предполагает широкую популяризацию путем целенаправленной информационной кампании конкретных живых носителей ценностей, которые инородны сегодняшнему обществу наживы и вхождению во власть по знакомству и родственным связям. Важнейшими из подобных иных ценностей являются сострадание к ближнему в современном прагматизированном обществе и способность бескорыстно работать на долгосрочный результат.

мационной кампании конкретных живых носителей ценностей, которые инородны сегодняшнему обществу наживы и вхождению во власть по знакомству и родственным связям. Важнейшими из подобных иных ценностей являются сострадание к ближнему в современном прагматизи-

рованном обществе и способность бескорыстно работать на долгосрочный результат. Интересно, что первая из названных ценностей — сострадание и к людям (прежде всего бедным), и к животным — очень характерна для действующего римского папы. Вторая ценность чрезвычайно

почитаются японским обществом. Основное требование метакультурной политики может быть сформулировано следующим образом: внедрение в общество и пропаганда носителей высоких культурных ценностей, которые образуют непродажную высшую духовную иерархию. Эта иерархия существует и действует абсолютно бескорыстно, исходя только из собственного разума и самоопределения. На фоне последних событий на Украине культурный шок может состоять в том числе и в осознании того, что рядом с нами находятся люди, говорящие по-русски, но готовые уничтожить и сжигать тех, для которых основа всего — тысячелетняя российская государственность. Возникает острая необходимость выделения непреходящих ценностей русской цивилизации, предъявление которых может разделить сообщество цивилизационно перевербованных. С одной стороны — те, которые потеряны для российского цивилизационного братства безвозвратно. С другой стороны — те, цивилизационную перевербовку которых можно нейтрализовать и остановить потерю ими российской идентичности. И это чрезвычайно важно сделать не на Украине — а у нас, в России.

Предъявление обществу носителей высоких культурных ценностей может осуществляться только в предельно обнаженной личной форме. Эти цивилизационные ценности направлены не против ценностей западной цивилизации, которая точно так же является одним из истоков российской культуры, науки, философии, искусства. Они направлены против копируемых машинизированных инстинктов массового потребления, от которого задыхается и сама западная цивилизация. А также против тупика

индивидуализированного самовыражения как высшей формы свободы и основы социальных революций. Именно внешне бунтарское поведение, вызывающее раздражение у обывателей, становится основой индивидуального выбора на Западе. Вокруг такого поведения начинают формироваться общности, которые затем принимаются отстаивать свои права. Альтернативой этому поведению индивидуального выбора является ценность бескорыстного долгосрочного устремления на создание того, что выводит общество за границы его сегодняшних возможностей. Подобное устремление не может быть тут же оплачено и капитализировано, не может привести к получению личной прибыли.

По мере того как новая ценность становится основой для самоопределения различных групп населения, начинают меняться взаимоотношения общества и власти. Создаваемая духовная вертикаль — культурная иерархия из жителей различных регионов России — начинает выступать в качестве новой духовной скрепы общества, рассредоточенного по необъятной территории страны. Духовная вертикаль, не покупаемая за деньги и независимая от власти, позволяет обществу начать рефлексировать власть. Действует не механизм натравливания на власть лишенцев и пораженцев, различных завистников, а возможность на основе духовных ценностей увидеть ограничения самого типа договора власти с обществом. После событий в Крыму и на Украине ограничения сегодняшнего механизма власти хорошо понятны. Российская власть не может больше приспосабливаться к существующим западным институтам, считать основной своей задачей их перенос на российскую

почву. Российская власть и российское общество обречены на социально-историческое личностное творчество, иначе они погибнут.

Это творчество со стороны российской власти состоит в предъявлении заказа на социокультурный и технологический прорыв цивилизационного значения, который должен быть принят, увиден и поддержан всем мировым сообществом. Сначала он, конечно же, должен быть сделан. Но затем и понят мировым сообществом и в нем социализирован. Но ни в коем случае не изоляция от Запада, не самооскопление и не выкидывание себя из международной финансовой системы. Задача заключается в том, чтобы, осуществляя цивилизационный прорыв, расколоть мировые финансовые клубы и включить их в поддержку этого прорыва. А значит, не игорная зона для обогащения олигархов в Крыму, но новые индустрии, мультиинфраструктура (сверхскоростной железнодорожный транспорт, модернизация портов и создание мультимодульных узлов, «умная» энергетика, водотранспортная система пояса *Razvitie* как плацдарм перевооружения Украины совместно с властью народа Украины и Европейским союзом). Фактически принимая линию на Трансевразийский пояс *Razvitie*, российская власть одновременно уничтожает почву и для космополитического офшорного либерализма как заимствуемой, копируемой идеологии, и для национализма. Это захватившая на Украине власть группа стремится запоздало сформировать галицийский вариант украинской нации своеобразных «укров», которые выедают для себя жизненное пространство. Позиция русских совершенно другая — планетарный цивилизационный проект солидарного

соразвития. Именно он должен разломать политическую антропологию идентичности галицийских «укров», готовых ехать обслуживать Евросоюз. В этом, собственно, в данном случае и состоит метакультурная политика — жестко разделить и противопоставить два политико-культурных, культурно-антропологических основания. С одной стороны — любой ценой в полиэтнической, поликонфессиональной среде стать моноэтнической, моноконфессиональной нацией и загрызть все остальные этнические группы. С другой стороны — планетарный размах до включения любой страны, любого народа в действительный планетарный проект соразвития. В первом случае идентичность основана на прикреплении к кусочку почвы, вокруг которого выжигается все альтернативное. Во втором случае — на самораскрытии вплоть до формирования новой общности на основе цивилизационного размаха.

Выделение и обрисовка границ власти моментально трансформирует саму власть. Способность видеть ограничения власти, возможность достоверно рефлексировать действия власти на основе реальных духовных ценностей живых людей задают ситуацию культурной метаполитики. Следует отметить, что несмотря на одинаковую приставку «мета-» в понятиях «метакультура» и «метаполитика», метакультура кардинально отличается по своему устройству от метаполитики. Метакультура по своей сути является живым диалогом с иным, носителей одной культуры — с представителями другой. Только в этом диалоге происходит выделение различных ценностных оснований. Метаполитика является формой рефлексии власти в виде границ допускаемого обществом наси-

лия по отношению к своим членам. Основной вопрос: на основе чего, за счет использования каких инструментов может осуществляться подобная потестарная рефлексия?

В случае культурной метаполитики потестарную рефлекссию действий власти обеспечивает создаваемая духовная вертикаль. Культурная метаполитика представляет собой такой способ действия с позиций духовной культуры, который позволяет корректировать власть. Фактически перед нами культурная политика преобразования институтов государства и власти на основе духовных ценностей. Ее основные требования могут быть сформулированы следующим образом. Надо определить, какие ценности следует вводить в общественную жизнь, куда сдвигать общество средствами культуры, добиваясь договора между разными общественными группами, признающими данный набор ценностей приемлемым для общества. Трансформация и переопределение договора между базовыми общественными группами изменяют сам институт власти.

Авангардные личности несут личную ответственность за срыв реализации долгосрочных программ. Мобилизация общества на создание новых индустрий и поселений, а также мультиинфраструктуры (сверхскоростной железнодорожный транспорт, «умная» энергетика, телекоммуникации) для переосвоения российского обезлюженного пространства предполагает личный договор с представителями власти, отвечающими за реализацию конкретных программ. Также необходимо рекрутирование во власть тех, которые реально способны подобные программы осуществлять. И удаление из власти «деструкторов», разрушивших целые области и системы рос-

сийской промышленности и хозяйства, или людей, просто неспособных принимать ответственные решения. А фактически — выделение особой антропологии управленца и политика, которые могут реализовывать программу *Razvitie*, не копировать западные руководства, а предлагать свои оригинальные способы действия на основе, конечно, знания мирового опыта. Именно такие качества являются в настоящий момент важнейшей характеристикой культурной метаполитики.

Наконец, должен быть обозначен четвертый тип культурной политики далекого проектного проворота, когда ценности страны-цивилизации и механизм действия власти могут рассматриваться как лидерские и опережающие по отношению к другим странам-лидерам. Непростой вопрос, что конкурентоспособное может противопоставить Россия ценности индивидуальных прав и свобод в культурном пространстве? Для ответа на него следует сформировать образ неопределенного, но очень значимого смыслонаполненного будущего, в котором наше общество и наша власть должны оказаться конкурентоспособными в столкновениях и взаимодействиях с другими обществами и цивилизациями при переходе из прошлого в будущее. В этом случае речь идет о метакультурной метаполитике, поскольку одновременно и ценностная матрица нашего общества считается открытой, и механизм власти допускает преобразование. Культурная политика проблематизации состоит в формировании неопределенного образа будущего, причем такого образа, который отвечает интересам России — в отличие от образов будущего, которые работают на других глобальных игроках. С точки зрения культурной политики проблема-

тизации, индивидуальным правам и свободам, которые Соединенные Штаты называют своим приоритетом, Россия может противопоставить право всякого народа и всякой страны на развитие. В случае права на развитие страна не обязана копировать технологии страны-лидера. Страна должна получить возможность создания институтов фундаментальной практико-ориентированной науки, развивающего образования и системной промышленности для разработки собственных технологий, предоставляющих новые возможности своим гражданам.

Однако культура в широком смысле слова, которая не сводится к исключительно материальному миру, говорит не только языком технологий, но стихотворной строчкой, фрагментом рассказа, мелодией песни, фильмом, образом на холсте. Культурная политика проблематизации — это проявление через художественный материал всех видов искусств самообраза гуманистического человека, обладающего новыми возможностями развития и новыми духовными сверхспособностями. Поэтому важнейшим полем конкуренции различных стран и цивилизаций в области метакультурной метаполитики является борьба за самообраз будущего человека — человека *Razvitie*, — соединяющего в себя творческую личность и святого. Человека, обнаруживающего новые возможности, и человека, жестко следующего традиции и ее ценностям. Проектировщика, поэта, художника, с одной стороны, и неуступчивого традиционалиста, религиозного деятеля — с другой.

Поскольку развитие совершают живые личности, антропология *Razvitie* на порядок конкретнее социологии развития и экономики развития.

Этот самообраз человека *Razvitie*, растущий из часто невыявленного будущего, определяет уже сегодня цивилизационную идентичность. А потому основное кредо метакультурной метаполитики может быть выражено следующим утверждением: важнейшей притягательной силой обладает образ и самообраз человека будущего, развивающегося человека и человека, включенного в планетарные практики *Razvitie*.

На фоне событий на Украине живой самообраз человека практик *Razvitie* требует демонстрации пассионарности. Эта пассионарность была проявлена русским населением в юго-восточных областях Украины и Крыму в виде самоорганизации населения, взявшего власть в свои руки без указки Кремля. Пассионарность самоорганизовавшегося населения на юго-востоке Украины и российского населения, опережающего русским и украинцам, выступающим против киевской хунты,

Задача заключается в том, чтобы, осуществляя цивилизационный прорыв, расколоть мировые финансовые клубы и включить их в поддержку этого прорыва. А значит, не игорная зона для обогащения олигархов в Крыму, но новые индустрии, мультиинфраструктура (сверхскоростной железнодорожный транспорт, модернизация портов и создание мультимодульных узлов, «умная» энергетика, водотранспортная система пояса *Razvitie* как плацдарм перевооружения Украины совместно с властью народа Украины и Европейским союзом).

опережает пассионарность официальной власти в России. Официальная власть получила аванс от пассионарного населения.

Власть, чтобы стать пассионарной, как значительная часть пробуждающегося русского населения, должна обратиться к народу с цивилизационной идеологией *Razvitie*, являющейся основой долгосрочного прорывного творчества. Эта идеология *Razvitie* должна иметь мировоззренческую личностную форму, опираться на важнейшие ценности, образующие основу цивилизационной идентичности. Плацдармом формиро-

вания подобной идеологии должно стать новое постливановское Министерство образования. Без освоения молодым поколением цивилизационной российской идентичности как основы пассионарности и служения Россия обречена. Другое дело, что эта идеология должна быть усвоена не в виде пропагандистских клише, а в проблемной форме на основе самоопределения.

Но аванс, предоставленный пассионарным населением власти, не может длиться долго. Его надо оправдывать, демонстрируя населению, которое уже становится наро-

Сергей Блинков. Царевич Дмитрий

Аванс, предоставленный пассионарным населением власти, не может длиться долго. Его надо оправдывать, демонстрируя населению, которое уже становится народом, опережающую его ожидания стратегию власти. Маховик сознания русского народа – который уже не безмолвствует, как в «Борисе Годунове», – в социальных сетях, посвященных сжиганию заживо людей в Одессе или убийству медсестры под Славянском, раскручивается все быстрее.

дом, опережающую его ожидания стратегию власти. Маховик сознания русского народа – который уже не безмолвствует, как в «Борисе Годунове», – в социальных сетях, посвященных сжиганию заживо людей в Одессе или убийству медсестры под Славянском, раскручивается все быстрее. Путин, присоединивший Крым, вынужден отвечать на вопрос, чем его ближайшее окружение отличается от финансово-олигархических кла-

нов Украины, Великобритании, США, Голландии. Ответ на этот вопрос тем более важен, что именно мировой финансовый олигархат (то есть учителя и покровители Кудрина, Дворковича, Чубайса, Ясина) перевербовал украинских славян, говорящих по-русски, и спровоцировал их на убийство их пророссийски ориентированных сограждан. Почему захват Крыма – это не борьба одного финансового национализма (украинско-

американского) с другим (например, русским)? Русскому национализму, самому неприкрыто почвенному, самому страдающему каждой русской генетически чистой слезинке, также потребуются космополитические деньги, которые не пахнут и бегают по всему земному шару и всем офшорам. И разве не космополитические деньги превращают чувство крови и почвы сначала в национальный капитализм, а потом в фашизм? И в этой точке бессубстанциальный финансовый олигархат и почвенный национализм соединяются всегда.

Что мы собираемся делать, помимо приносящих быструю прибыль стрип-баров и казино в Крыму? Что мы собираемся строить на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, помимо нефтепроводов и газопроводов? Вот вопросы к окружению Путина.

Ведь отрезание России от Европы путем создания хаоса на Украине просто побуждает вкладывать деньги в Америку, поскольку «долларовый мир» трещит по швам. Поэтому окружение Путина должно предлагать проект, который в несколько раз выгодней, чем бумажные *treasuries* и экологическая катастрофа *shell gas*, уничтожающая артезианские источники воды. Но выгодней в долгосрочной перспективе – а не по законам финансовых спекуляций. И здесь окружение Путина должно продемонстрировать не гарвардскую выучку финансовых игроков, а способность к долгосрочному планированию. Этот образец долгосрочного планирующего видения и есть метакультурная метаполитика, или культурная политика проблематизации, выводящая за рамки финансовой и цивилизационной катастрофы. И здесь же возникает вопрос, почему у нас нет ни одного русского фильма про финансовый кри-

зис в США и стремление финансовой элиты переключить внимание населения своей страны на убийство иранцев, афганцев, ливийцев, а сегодня – украинцев?

Но если заикнуться только на культурной политике проблематизации, выявляющей неопределенный образ человека будущего, это может поставить под угрозу ценностную определенность общества. Поэтому прорыв в метакультурной метаполитике должен сменяться культурной политикой консервации, ужесточающей твердую конструкцию непротиворечивых ценностей. Таким образом, в области культурной политики возникает цикл спирали, который может быть показан схематично, когда культурная политика консервации (1) должна быть заменена политикой самоопределения (2), политикой преобразования (3), а затем – политикой проблематизации (4) (см. рис. 1, 2).

На приведенных рисунках обозначен один цикл-такт реализации культурной политики, обеспечивающей трансформацию общества и власти. Затем данный цикл может повторяться снова, но уже на новом уровне ценностной организации общества в соответствии с другими принципами действия власти. Таким образом, возникает спираль культурной политики в обществе, когда культурная политика как важнейший оператор может быть вписана в трансформацию и развитие общественной системы.

Фактически динамическая культурная политика должна представлять собой спираль, повышающую организацию общества.

Какая культурная политика нам нужна?

Возможны разные способы движения по данной схеме.

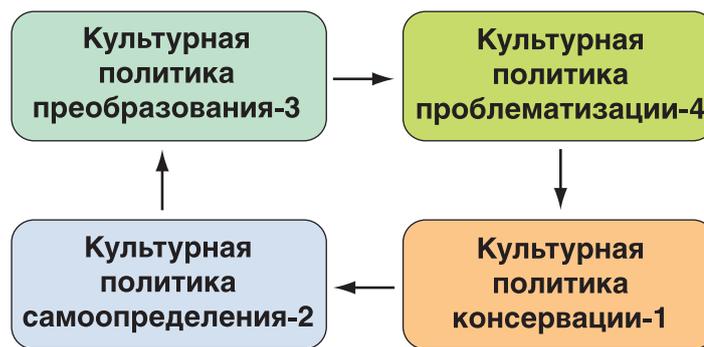

Рис. 1. Четыре типа культурных политик

Например, последовательное движение от начала в конец или сразу мысленное забежание в конец – и оттуда возвращение в начало. Забежание в конец предполагает ответ на вопрос: что может предложить Россия всему миру и всем нациям, какую притягательную позицию она может занять по отношению к другим странам и цивилизациям? Собственно эта культурная политика проблематизации потом может быть закреплена в культурной политике консервации.

Подобные вызовы в пространстве актуальной бесконечности и глобальной неопределенности могут соотноситься только с одной вестью – вестью спасения, адресованной и конкретному человеку, и всем народам и странам. Именно весть спасения как способ преодоления смерти в каждом акте поведения и действия определяет ценность любой культуры и любого произведения культуры. Эта мысль русского философа Владимира Соловьева является

определяющей для оценки любых произведений культуры.

Акт спасения не может быть отложен на неопределенный срок, когда сначала предполагается сделать что-то предварительное, промежуточное, а уж потом заняться спасением. Акт спасения связан с расширением пространства жизни уже сейчас, в данный момент, и он переживается и воспринимается непосредственно. Именно акт спасения как способ преодоления смерти раскрывает смысл предметов культуры. Поэтому не может существовать абстрактной надрелигиозной культуры. Наделение тех или иных продуктов социальной деятельности статусом высших культурных ценностей и образцов для благоговейного подражания и почитания не означает их безусловную спасительную ценность для человечества. Поскольку культура, понимаемая подобным образом, может быть формой утверждения смерти и резкого сужения про-

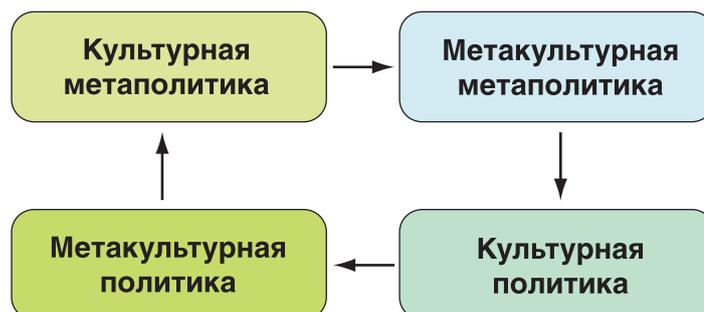

Рис. 2. Четыре типа культурных политик, группируемых в цикл

Николай Ярошенко. Владимир Соловьев. 1895 год

Вызовы в пространстве актуальной бесконечности и глобальной неопределенности могут соотноситься только с одной вестью – вестью спасения, адресованной и конкретному человеку, и всем народам и странам. Именно весть спасения как способ преодоления смерти в каждом акте поведения и действия определяет ценность любой культуры и любого произведения культуры. Эта мысль русского философа Владимира Соловьева является определяющей для оценки любых произведений культуры.

странства жизни. Для своей оценки продукты и произведения культуры обязательно должны быть соотнесены с актом спасения в данной конкретной ситуации. Никакой якобы общепризнанный культурный авторитет не может считаться значимым вне соотнесенности с актом спасения.

Данное утверждение является, казалось бы, парадоксальным и неприемлемым для традиционного творца культурных ценностей в области массовой культуры. Считается, что деятельность человека искусства основана на самовыражении и это самовыражение никто сдерживать или определять не

может. Самовыражающийся представитель «креативного класса» может делать всё что он захочет. И с точки зрения самовыражающегося художника уместно следующее утверждение: те, которые пытаются учить деятелей искусства, пусть попробуют сами создать нечто стоящее – по крайней мере, вызывающее интерес у различных аудиторий – читателей, зрителей, посетителей выставок. И действительно, указывать на то, что должен делать самовыражающийся художник, совершенно неправомерно. Но нас сейчас интересует деятель культуры, для которого творчество в области искусства сближено с религиозной практикой. В основе творчества именно такого автора непременно находится акт спасения.

Акт спасения всегда личностен, невозможно спасти народ, не опробовав действия акта спасения на самом себе. Но художник, писатель, музыкант, постановщик пьесы может говорить от имени всего народа и обращать продукт своего творчества ко всему народу – тогда его языком и его образностью будет говорить многомиллионный народ. Особенно интересен акт, когда художник говорит от имени многих миллионов уже ушедших и еще не родившихся.

Акт спасения как основа творчества противостоит акту самовыражения. И именно на этом противопоставлении была основана провокация «Пусси Райт», придуманная ее режиссерами для демонстрации на Западе. Поскольку для западных деятелей культуры никакой иной культурной деятельности, кроме акта самовыражения, не существует, то наказание членов группы «Пусси Райт» за их поведение в Храме Христа Спасителя выглядит чудовищно. Культурно-

го деятеля наказали за его профессиональную работу — самовыражение вопреки всему. Акт спасения, когда речь идет о стране или цивилизации, подразумевает инициацию тотального ответа, который предполагает подъем народной стихии. Поэтому задача и заключается в том, чтобы пробудить созидательную стихию населения России. Созидательная стихия нации — это не психоз толпы, это объективный рост и подъем сознания. Мобилизуемая страна-цивилизация определяет свое место и свои возможности во взаимодействии с другими цивилизациями. Тотальная мобилизация цивилизации отличается от националистической мобилизации или мобилизации неимущих против имущих. Такая тотальная мобилизация происходит под воздействием постижения и почитания святости и в сопряжении с аналогичными возможностями других цивилизаций. Национальная или националистическая мобилизация строится на конкуренции с другими нациями. Заходя за тонкую грань национальных преимуществ в область национальной исключительности, национальная мобилизация превращается в фашизм. Социальная мобилизация неимущих порождает стихию социальной революции, направленной на разрушение сложившейся государственности и уничтожение элиты страны на основе культа формальной уравниловки вместо справедливости. Многонациональной, многоконфессиональной России нужна цивилизационная мобилизация, исключая национальную мобилизацию и социальную революцию. Централистский либерализм (Иммануил Валлерстайн) как форма организации власти ведущих государств мира (прежде всего США и Великобритании) боится как огня народ-

ной стихии и тотальной мобилизации у себя в стране, но пытается использовать национальную мобилизацию и мобилизацию социальной революции в других странах как форму борьбы с конкурентными правительствами. Задача при этом заключается в том, чтобы разрушить солидарность народа и народную традицию индивидуализацией и предложением прав и свобод индивида в качестве краеугольной ценности западной цивилизации. Исходная народная и цивилизационная солидарность, принадлежность к сообществу своего народа рассматриваются как нечто устарелое и архаичное, что легко модернизируется на основе индивидуализирующей ценностной рефлексии. США как страна иммигрантов перерабатывает мультикультуру — множество разобщенных по языку и национальной культуре приехавших иммигрантов в рефлектирующих индивидов, которые одинаково осознают только одно — равенство личных прав и свобод по отношению друг к другу. За рамками подобной индивидуализирующей рефлексии остается осознание цивилизационного и народного родства и единства на основе ценностей и языка. Пройдя через индивидуализирующую «мясорубку» личных прав и свобод, человек причисляется к благословенной американской нации и американской цивилизации. Цивилизационное единство в рамках американской нации человек получает вторично, оно не дано ему в виде исходной цивилизационной идентичности. Точно так же, как в области протестантской этики, выявленной Максом Вебером, человек еще должен доказать свою богоизбранность на основе успешного предпринимательства, в области цивилизационной этики американец должен доказать себе

исключительность и успешность американской нации-цивилизации, а также отсталость и вторичность других цивилизаций.

России необходима цивилизационная мобилизация, выводящая ее народ в область разумной творческой стихии и «умной» энергетики данной стихии. Такой цивилизационной мобилизацией обладает идея трансконтинентального пояса *Razvitie*. Возможность нового — прежде всего инфраструктурного — освоения евразийского континента и заселения огромных территорий русскими вместе с солидарным участием в процессах создания новых индустрий и городов народов других стран, других наций составляют важнейшие рычаги цивилизационной мобилизации. У данной цивилизационной мобилизации есть культурно-ценностная проекция, и есть социальная проекция.

Культурно-ценностная проекция цивилизационной мобилизации

Культурно-ценностная проекция состоит в предъявлении определенной ценностной таксономии (ценностного порядка), которая определяет космический прорыв русской цивилизации, в котором соучаствуют другие евразийские народы — прежде всего белорусский и казахстанский. Социальная проекция — это объективный масштаб проекта, который предлагается обществу и который основан на ценностной таксономии. Основу этой таксономии составляет идея служения чему-то высшему, более высокому идеалу, нежели индивидуальное потребительское выживание. В самих по себе индивидуальном потреблении и выживании нет ничего зазорного и плохого. Плохим яв-

ляется всего лишь несоблюдение меры в этом процессе. После того как чувство голода и чувство опасности вызвали необходимые и адекватные реакции по удовлетворению данных первичных потребностей, в качестве побудителей действия должны вступить в действие более высокие цели и ценности. Но они не начинают действовать сами по себе. И человек остается на уровне доминирующей задачи индивидуального потребления. Этим более высоким типом ценности является расширение зоны жизни с выходом в космос и освоение ближнего и дальнего космоса. Первым шагом выхода в космос является создание интегрированных инфраструктур, мультинфраструктур еще на планете Земля. Вместо раздувшейся «опухольи Москвы» и опустевших территорий Северо-Запада должен появиться новый каркас городов и поселений — каркас, сдвинутый в сторону Восточной Сибири и Тихого океана. Подобный способ постоянного расширения зоны жизни и освоение все новых зон жизненного пространства не связаны с отниманием жизненного пространства у других народов. У России есть огромные опустевшие зоны, незаселенные места, территории вечной мерзлоты, где должны появиться города и новые производства. Ценность служения с точки зрения концепта *Razvitie* предполагает сверхзадачи, которые могут быть реализованы только при условии цивилизационной мобилизации российских народов во главе с русским народом. Ценность служения определяет гигантское обилие дел, которое может быть осуществлено для подъема всего евразийского континента.

Цивилизационная мобилизация является обратной стороной тотальности развития. У

самого процесса развития нет границы, поскольку *Razvitie* — это перешагивание через границу. Развитие — это всегда тотальный объективный разлом сложившихся оконтуренных целостностей, поскольку перешагивание через границу делает из целостности частичность. Как только появляется граница, возникает возможность и необходимость через нее перешагнуть.

Для того чтобы развитие начало происходить как планетарный процесс, а другого развития не бывает, должен появиться многоцентричный сетевой субъект, который готов и может сдвигать границу освоенного в сообществах. Подобная цивилизационная мобилизация равносильна пробуждению от сна, от усыпляющего комфорта потребительства и нежелания вырваться за сложившуюся зону привычности. Развитие — это способность вообразить невозможное и реализовать его в действии. Осуществление сегодня того, что было невозможно вчера, и является сбрасыванием оцепенения сна. В этом случае ценностью становится само служение развитию и сама мобилизация.

Здесь прослеживается определенная аналогия с актом самовыражения. Смысл самовыражения — в самом выражении и объективации себя. Точно так же и развитие осуществляется не ради чего-то, но ради него самого, поскольку это более высокая форма существования сообщества людей. Но в отличие от самовыражения, которое индивидуалистично и субъективно, процесс *Razvitie* является объективным процессом. Историческое самосознание в этой более высокой форме сообществ кардинально отличается от исторического самосознания деградирующего сообщества, пребывающего в самоуспокоенности. Подоб-

ная способность перешагивать границы является единственной формой живой актуальности, к которой должны быть приближены российские народы. Люди, обладающие данной формой актуальности подъема сознания и обнаружения его многомерности, могут значительно больше. Нахождение на более высоком уровне пробужденного сверхсознания сообществ, осуществляющих процесс развития, — это и есть счастье. Служение процессу *Razvitie* и есть счастье. Люди, переживающие подъем сознания, имеющие многомерное сознание, острее и глубже чувствуют исторический момент и свое предназначение.

Фактически в состоянии подобной цивилизационной мобилизации они «вспоминают» — а точнее, впервые обретают — самих себя как людей. Борьба с сообществом, в котором пробуждено сознание, практически невозможна, поскольку люди с многомерным сознанием моментально просчитывают любые действия противника, знают наперед, по каким слабым сторонам противник будет стараться нанести удар. Люди с пробужденным многомерным сознанием действуют для противоборствующей стороны как бы вне времени, всегда быстрее, поскольку они способны «читать» чужое сознание.

Поэтому задача конкурирующей нации или цивилизации заключается в том, чтобы не дать данному народу или данной цивилизации проснуться, вспомнить самих себя, осуществить тотальную актуализацию. Это осуществляется за счет убаюкивающего действия продуктов массовой культуры, бесконечного «развлекалова», направленного на разрушение важнейших базовых ценностей, связанных со способностью бескорыстного самопожертвования. Но глав-

ное — это расшатывание цивилизационной идентичности и цивилизационная перевербовка.

Именно с разрушением цивилизационной идентичности средствами массовой культуры, со всякими бесконечными утробными «хохоталовами» над национальными святынями мы связываем новый тип цивилизационных войн, которые мы называем концентрическими. Эти войны нацелены на понижение уровня сознания нации или цивилизации. Тотальная актуализация в процессах развития невозможна на уровне исключительно словесной эквилибристики, она требует реального усилия над самой собой. И очень часто механизм этого усилия скрыт для народа, если у него произвели подмену ценностей.

Концепт *Razvitie*, который обладает огромным объективным геотехнологическим, геоэкономическим, геокультурным, геополитическим, геофинансовым и геоправовым содержанием, на самом деле нужен нам только для того, чтобы вызвать подъем сознания русского народа и российских народов, осуществить тотальную предельную актуализацию, направленную на перешагивание границы возможного. Русский народ вместе с российскими народами должны вспомнить свою доблесть и удаль. Навязанный миф поражения в холодной войне, который связан с предательством руководства КПСС в лице «заединщиков» этого преступления — вечно споривших и дравшихся Горбачева и Ельцина, — направлен на то, чтобы породить в душе сомнения в своей состоятельности, не позволяющие достичь состояния тотальной актуализации в акте развития. Только в этом состоянии русские люди наследуют славу своих предков, победивших в

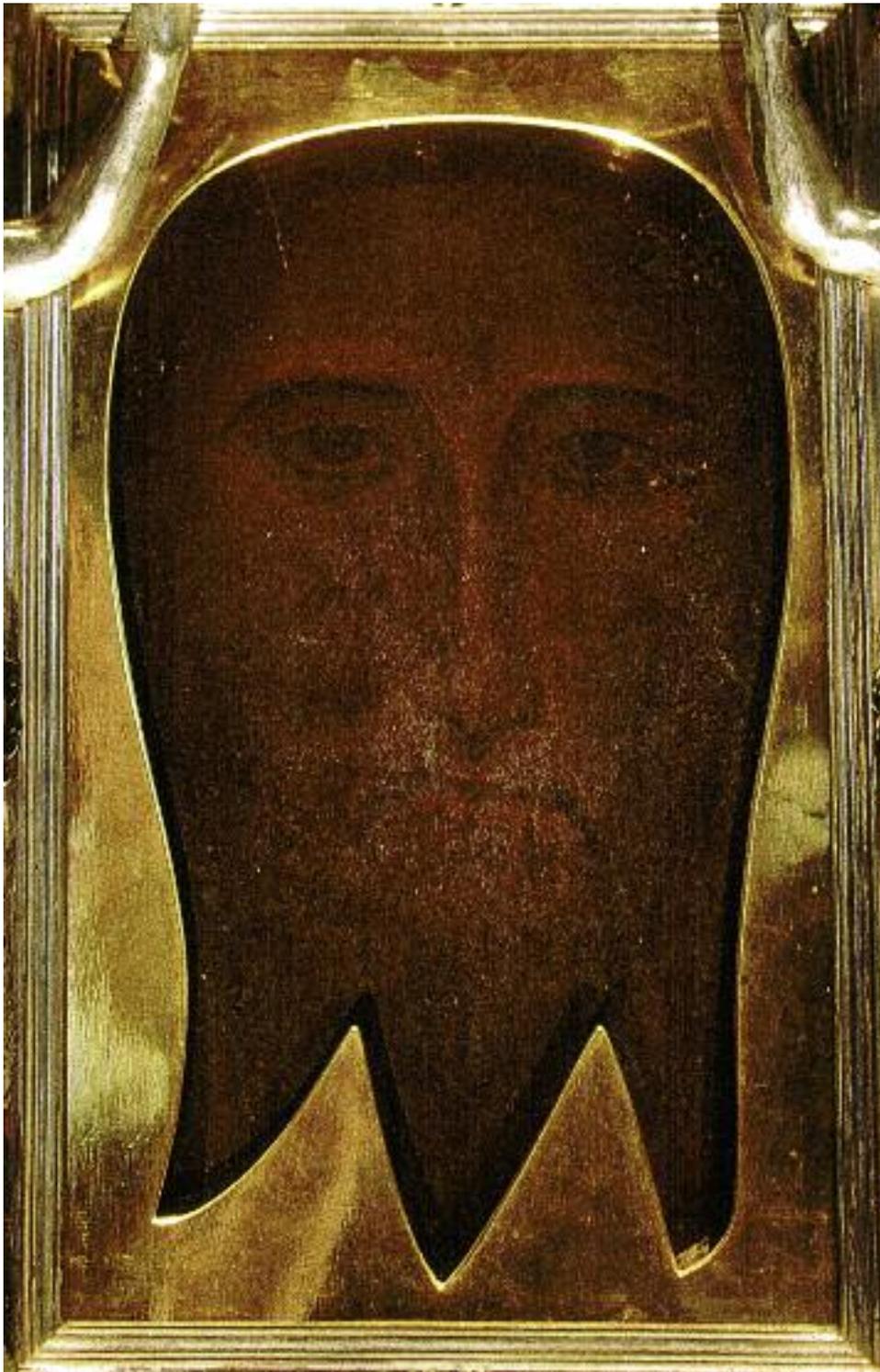

Перуджино. Благоразумие и Справедливость с шестью античными мудрецами. Фрагмент. 1497 год

Помимо ценности служения второй высшей ориентационной вершиной является ценность справедливости, как Божьего суда, так и людского суда. В нормальном сообществе человек за свои прегрешения часто наказывается без вмешательства людей.

Великой Отечественной войне. Бесплезно говорить про развитие, если не добиться самопробуждающей актуализации российской цивилизации. Российские народы не удалось пробудить актом стяжательства и насаждением среди них желаний всеми силами заниматься накопительством. Важно, чтобы создание мультинфраструктур, новых горо-

дов, принципиально новых, несуществующих сегодня индустрий в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России было признано другими нациями, народами в качестве зримого цивилизационного творчества, вокруг которого могут быть объединены усилия разных стран. В этом случае *Razvitie* способно выступать в качестве цивилизацион-

Мандилион. VI век (?)

Существует одно пересечение католицизма и православия, где вдруг неожиданно намечается их сближение в восприятии подвига Христа по преодолению смерти. Действие божественных энергий, которое признает католицизм, проявляется в православной иконописи, поскольку иконописец стремится не просто осуществить самовыражение, но, сведя ум в сердце, проделать восхождение через возникающий у него образ к первообразу. И также через стяжание благодати «обвести красками заобразный зрак», куда он и будет двигать молящегося на созданный им лик иконы.

ной ценности России, предъявляемой в данный исторический период другим цивилизациям.

Подобный подход к гуманистическим ценностям в международных отношениях, в частности к ценности *Razvitiie*, принципиально отличается от феномена «мягкой силы» (*soft power*), предложенного Джозефом Наем. «Мягкая сила» Ная в виде культуры страны, народной дипломатии, притягательности стиля жизни данного общества дополняет «твердую силу» военной мощи и экономического потенциала, будучи принципиально отделенной от нее. Для нас же ценности развития являются ориентационным концептом, который тянет за собой эту «твердую силу». Более того, актуализированная ценность развития переводит страну, нацию, цивилизацию в принципиально иное состояние, когда народ может работать как одержимый единым волевым устремлением. Именно в подобном состоянии народ порождает новые уровни «твердой силы». Возникает ощущение, что разделение на «мягкую силу» и «твердую силу» у Ная существует в виде застывшей абстракции. Эта абстракция не позволяет ему анализировать процессы происхождения и преобразования одних достигнутых уровней силы в другие уровни. Данная абстракция появилась в период, когда Соединенным Штатам перестало хватать денег на посылку авианосцев во все точки земного шара. И тогда пришла пора на помощь авианосцам пригласить Голливуд. «Мягкая сила» по Наю либо есть у государства, либо ее нет. Нас же интересуют ценности, адресованные как народу своей страны, так и другим народам. Ценности, которые позволяют актуализировать новые – более высокие – измерения сознания. Только та-

кая политика может ввести население России в состояние духовного подъема.

Помимо ценности служения второй высшей ориентационной вершиной является ценность справедливости, как Божьего суда, так и людского суда. В нормальном сообществе человек за свои преступления часто наказывается без вмешательства людей. Русский народ и российские народы не могут быть обкрадены второй раз олигархами и властными приближенцами при капитализации результатов развития — как наши деды и отцы, строившие социалистическое общество, были обворованы партийной номенклатурой. Это означает, что с самого начала должны быть ясно определены условия приобретения в собственность тех новых индустрий, которые будут создаваться на различных плацдармах осваиваемой территории России. Российская предпринимательская инициатива по созданию новых индустрий и поселений должна быть защищена от возможного криминального присвоения ее плодов. В этом заключается основной вызов для Путина: дать людям стать богаче — независимо от имеющих у них денег, чинов и званий на основе включения в новые практики *Razvitie*.

Наконец, третьей ориентационной вершиной является ценность братства как единственного возможного состояния между народами, когда культурные вершины одного народа, достигнутые им уровни святости прочитываются, воспринимаются и подхватываются другими народами. Подобное взаимное общение возможно только на основе включения в единую практику *Razvitie*. Именно подобная практика *Razvitie* создает из различных народов единую общечеловеческую семью. И совсем по-иному в этом кон-

тексте звучит пушкинское: «Народы, распри позабыв, в единую семью объединятся». Для включенных в поле братства этнические различия являются не разделением, но фактором, обогащающим сам процесс общения.

В этом контексте высшее назначение произведений культуры состоит в том, чтобы пробуждать у людей волю и веру в возможность преодоления смерти и актуализировать у них высшие способности, позволяющие им осуществлять духовное развитие на протяжении всей жизни.

Мы утверждаем, что единство трех ценностей — служения, справедливости и братства — образует некоторый своеобразный тигель, в котором производится сплав особого российского единства как цивилизационной общности. Можно уже обозначить качества такой общности: служение чему-то более высокому, чем индивидуальные интересы и личная выгода, оценка вклада в общее служение по справедливости, братские отношения между разделяющими идеалы подобного служения. Последнее качество особенно значимо, поскольку новое сообщество начинает формироваться как единая семья, переносящая сегодняшние тяготы ради решения долгосрочных задач.

Российская империя и СССР существовали именно как подобное сообщество, и выздоравливающая Россия будущего — Россия практик *Razvitie* — тоже может быть устроена только подобным образом. Видимо, любое идеократическое общество, где правят смыслы и идеи, организовано и устроено на основе приоритета трех данных ценностей. В какой-то мере оно напоминает космический корабль, отправившийся в дальнее путешествие, или ушедшее в дальнюю экспедицию войско.

Все участники следуют цели продвижения вперед, в равной степени несут тяготы движения и вознаграждаются в соответствии со сделанными ими личными вкладами, относятся друг к другу в силу выпавших всем им испытаний как братья.

Но, безусловно, центральный вопрос здесь — чему служат. Служить ведь можно и истукану, и абстрактной идее, и невозвратимому прошлому. Собственно задача искусства и состоит в том, чтобы подключить людей к энергетике высоких состояний подобного переплавляющего людские судьбы тигля, чтобы на основе заражающего эффекта искусства люди почувствовали, что только те, которые по настоящему разделяют цивилизационную судьбу сообщества и осуществляют цивилизационное служение, могут быть счастливы — в отличие от других, которые просто живут.

Однако в современных условиях данные ценности могут становиться смысловыми ориентирами и зонами притяжения для сообществ, которые устроены иначе. Данные фундаментальные притягивающие ценности (аттракторы, гравитаторы) могут переформатировать общество потребления в идеократическое общество. И вместе с тем аналог идеократического общества солидарности может быть найден в истории любого современного государства-нации.

Генерация событий как обмен святынями в пространстве культуры

Реальная культурная политика проблематизации может быть выстроена в ситуации угрозы мировой катастрофы — например, мировой войны. При таком раскладе особый

Существует также убрус с запечатленным Ликом Богоматери – плат, хранящийся в Мексике, в храме Мадонны Гваделупской. К этой святыне не прекращается паломничество, прежде всего латиноамериканцев, которое превратилось в настоящее народное движение, количественно превосходящее поток паломников в Ватикан.

спрос с интеллектуалов, которые должны просто включить разум, чтобы не допустить безумия. Но в сознании еще глубже мысли находится более важное и фундаментальное культурно-сакральное ядро, определяющее принципы своеобразной социокультурной экономики дара. Народы, которые через лучших своих представителей оказываются включенными в ритуал обмена дарами, восстанавливают для себя единое пространство святынь – живой динамический иконостас. Если теми, которые задумывают ритуал обмена дарами, святыни выбраны не случайно и за ними стоит определенное объективное содержание, то обменивающиеся дарами фактически создают единственно прочную основу для своего

дальнейшего сотрудничества – единую систему ценностей. Наиболее сложным вопросом является проблема обмена дарами представителей ключевых традиционных религий, поскольку эти религии как бы взаимно сомневаются в базовых основах своих вероучительных доктрин. А с точки зрения сторонников той или иной конфессии, уступка в символе веры ради сомнительных выгод взаимодействия с представителями другой конфессии выглядит как цивилизационное предательство. Но в случае символического обмена, дарения святынь на время подобные уступки делать не нужно: представителю другой конфессии драгоценная святыня предоставляется ради другого – чтобы предметом его внима-

ния стало то, что сближает конфессии и одновременно разделяет, поскольку не воспринимается в качестве важнейшего символы веры другой конфессии.

Например, православным бесполезно обсуждать с католиками, от которого Лица Святой Троицы исходит Святой Дух и правомерно ли верить в непогрешимость папы. Для католиков Святой Дух исходит от Бога Отца и Бога Сына, а поскольку Бога Отца никто не видел, то религиозный порядок определяется прямой передачей апостольского служения через Иисуса Христа и верных апостолов римским папам и епископам в соответствии с чинами Католической церкви. Для православных же Святой Дух исходит исключительно от Бога Отца, поэтому «Дух дышит, аще хочет», например, через юродивого Христа ради (который «никто» в церковной иерархии до своей смерти и лишь после смерти канонизируется как святой), а не через структуру установленной раз и навсегда офици-

альной церковной иерархии. Но и не вступая в этот канонический спор и не призывая — как, например, делают иерархи Элладской церкви — римского папу покаяться в своей сатанинской гордыне, признать собственную погрешность, можно предложить своеобразный набор святынь для обмена. Обмен этими святынями выступает своеобразным мостом над пропастью взаимного непонимания. Так, с точки зрения Католической церкви смертным людям не дано узреть Бога Живого и воспринимать при жизни божественную энергию. А у православных исихастов в результате подвига Иисусовой молитвы может получиться стяжание Божественной нетварной энергии (благодати). Такой подвижник способен встать на путь материальной переделки своего тела и обожения (теозиса), уже при жизни обретая антропологическую достоверность бессмертия. Католицизм не разделяет подобное представление и потому, с точки зрения православия, остается исключительно словесно-концептуальной абстракцией, не желающей телесно, материально прикоснуться к тайне бессмертия, которое возможно. Но существует одно пересечение обеих конфессий, где вдруг неожиданно намечается их сближение в восприятии подвига Христа по преодолению смерти. Действие божественных энергий, которое признает католицизм, проявляется в православной иконописи, поскольку иконописец стремится не просто осуществить самовыражение, но, сведя ум в сердце, проделать восхождение через возникающий у него образ к первообразу. И также через стяжание благодати «обвести красками заобразный зрак», куда он и будет двигать молящегося на созданный им лик иконы. Появление икон, как известно,

связано с попытками воспроизвести нерукотворный образ Христа — утерянный плат с изображением лика Христа («Спас Мокрая Брада»), а также плат Вероники, которым Христос, восходя на Голгофу, стер пот и кровь. Лик Иисуса запечатлелся на этом куске ткани. Реликвия — плат Вероники — хранится в Соборе Святого Петра в Риме. Особенностью данного лика является то, что на нем отпечатался терновый венец. Существует и Туринская плащаница, где на убрусе отпечатался Лик Христа — как бы его своеобразная лицевая фотография, возникшая после того как Тело Христа, снятое с креста, было завернуто в этот плат Иосифом Аримафейским. Этот отпечаток Лица Спасителя обладает особым потенциалом воздействия на всякого человека, особенно верующего. Существует также убрус с запечатленным Ликом Богоматери — плат, хранящийся в Мексике, в храме Мадонны Гваделупской. К этой святыне не прекращается паломничество, прежде всего латиноамериканцев, которое превратилось в настоящее народное движение, количественно превосходящее поток паломников в Ватикан. При этом Католическая церковь не признает подлинность Туринской плащаницы, но считает ее реликвией, очень важным напоминанием о Страстях Христовых. Некоторые православные иерархи почитают ее как подлинную святыню — действительный отпечаток Лица Спасителя. Обмен «Троицей» Рублева и платом Вероники, Туринской плащаницей или нерукотворным образом Мадонны Гваделупской является очень важным актом восстановления единого представления о Телесном Христовом — в том числе и по вопросу, может ли человек при жизни приобщаться к божественным

энергиям, наблюдая и воспринимая Лик Христа.

Способ стяжания и восприятия божественных энергий, а также Лица Спасителя (так, как Его представлял себе иконописец) заново обращает нас к проблеме личности и культуры — тому, с чего начинается статья. Если в пространстве западной культуры личность — это чаще индивидуальность, то в пространстве российской цивилизации личность — это сверхличность, способная преобразовывать себя на пути движения к Богу Живому. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Матф. 5:8). Политический лидер в России всегда сверхличностен, иначе он не политик.

Эта сверхличностность политика основана на сбрасывании конвенциональных приличий ради своего народа и предполагает «забегание в личную смерть» (Евгений Шифферс) через сверхусилие, которое выше имеющихся всегда слабых и недостаточных человеческих сил. Нам совершенно понятно, что именно подобное сверхусилие политика и должно быть направлено на реализацию программы Трансъевразийского пояса *Razvitie*, демонстрирующей цивилизационное движение по восходящему тренду, а не захват жизненного пространства. Только в этой зоне невозможности могут открыться благодатные источники сверхспособностей — понимания на сверхскоростях, прорывающей серую пленку банальностей стратегической визуализации, нестандартного действия в ситуации, удержания принципа любой ценой. Эти сверхспособности требуют личной практики единоборств с самим собой и со своей всегда ограниченной природой.

4 мая 2014 года